

Абстракция деятельности в труд — это создание тотальности.

Любое общество зависит от некоей взаимосвязи между деятельностью людей. Ведь должна быть некая взаимосвязь между теми вещами, которые люди делают:

Их деятельность должна быть взаимосвязана, чтобы вписаться в общество, и должна содержать, по крайней мере, минимум единообразия, если общество должно функционировать как единое целое. Эта согласованность может быть сознательной или бессознательной, но она должна существовать — иначе общество перестало бы быть жизнеспособным, а индивиды пришли бы в отчаяние в результате их множественной зависимости друг от друга. (Sohn-Rethel 1978: 5)

В докапиталистических обществах эта взаимосвязанность устанавливается на основе конкретных характеристик деятельности. Это может быть основано на обычае, или на общем решении, или на приказе, но обычай, приказ или общее решение относятся к определённой деятельности: рабовладелец повелевает рабу построить стену, деревенский обычай состоит в том, что резчик по дереву должен ежегодно изготавливать статую для церкви и т.п. Социальное объединение деятельности происходит на основе некоторой комбинации осознанных социальных потребностей и существующих социальных навыков.

При капитализме всё это изменяется. Взаимосвязанность достигается не обычаем, приказом или общим решением, а посредством обмена продуктами. Конечно, в капиталистических предприятиях координация осуществляется по указу, но в обществе в целом единственным указом является бесконтрольное и бессознательное движение денег, средства обмена. Тот факт, что я пеку торты для других людей, является результатом не обычая, приказа или общественного решения, а просто результатом моего восприятия того, что я могу продать эти торты (обменять на деньги). Если я обнаружу, что больше не могу их обменять на деньги, я буду вынужден заняться какой-то другой деятельностью. Таким образом, социальное плетение деятельности происходит не на основе конкретных характеристик деятельности, а на основе абстрагирования от этих характеристик, на основе того, что все различные виды деятельности рассматриваются как однородный абстрактный труд. Социальная сплочённость достигается тем, что все виды деятельности, все наши частные действия рассматриваются как однородный, поддающийся количественной оценке, измеримый и взаимозаменяемый труд. Обобществление труда есть в то же время гомогенизация труда, в отличие от прежних обществ^[1].

Это имеет важные последствия для значения социальной сплочённости. Существует гораздо более тесная интеграция между отдельными видами деятельности человека и обществом в целом. Производил ли я автомобили или торты или вообще ничего не делал — это результат движения денег (рынка), и над ним я не имею никакого контроля. Слепая связь перебрасывает людей с одного вида деятельности на другой: с изготовления автомобилей на сборку

компьютеров и далее — на приготовление гамбургеров. Установление социальной сплочённости посредством абстракции также означает, что социальные связи безграничны в пространстве и времени. В то время как в феодальном обществе социальные связи устанавливаются в ограниченном пространстве, опосредование обмена означает, что нет никакого предела вообще. Мой торт (если он заморожен) можно употреблять в Китае или Германии завтра или через три недели. Сокращение рабочего времени, необходимого для производства автомобиля в Китае, приведёт к безработице среди работников автомобильной промышленности в США.

Таким образом, социальная сплочённость качественно отличается от той, которая существовала в докапиталистических обществах. Она охватывает всю планету, гораздо основательнее определяет содержание деятельности людей и существует как внешняя сила, независимая от всякого сознательного контроля. Мы можем отметить это различие, сказав, что социальная сплочённость существует в капитализме как социальный синтез или *тотальность*, чего нет в некапиталистических обществах.

Абстрактный труд представляет собой тотальность, независимую от сознательной детерминации. У него есть своя логика, свои законы развития: логика капитала со своими законами, действующими за спиной производителей. Я выпекаю торты, но если я возьму больше общественно необходимого рабочего времени, чем нужно для того, чтобы испечь эти торты, то я не смогу их продать (по цене, которая отражает мой труд). Как узнать, выполнил ли я требования общественно необходимого рабочего времени? Только проверяя, смогу ли я продать свои торты или нет: законы абстрактного труда действуют за моей спиной. Взаимодействие деятельности людей находится вне их контроля и действует по своей собственной логике.

Как и все другие аспекты превращения деятельности в абстрактный труд, конституирование тотальности есть процесс исторический и чрезвычайно насильственный. Создание мирового рынка было (и остаётся) не гладким, рациональным процессом, а процессом, который обрек миллионы людей на нищету и чувство социальной избыточности, процессом, который уничтожил целые культуры и народы. Тотальность (то есть социальная сплочённость, свойственная капитализму) — это устранение альтернативных способов деятельности и альтернативного образа жизни, всего, что не соответствует слепым законам абстрактного труда.

Абстрактный труд составляет тотальность, но он делает это не очевидным образом. Именно потому, что социальная сплочённость не является результатом какого-либо сознательного процесса, общество представляется массой бессвязных частных, несвязанных явлений. На первый взгляд связь между половым диморфизмом (к примеру) и уничтожением других форм жизни не очевидна. Они кажутся двумя не связанными явлениями. Только понимая и то и другое как часть общества, образованного абстрактным трудом, мы можем понять, как борьба против полового диморфизма связана с борьбой против уничтожения других форм жизни и борьбой за уничтожение абстрактного труда. Перед лицом мира, который предстает как масса частных, *тотальность* является фундаментальной категорией критики. Это имеет решающее значение, поскольку проливает свет на взаимосвязь капиталистического господства

(например, связь между помощью в целях развития и продажей оружия) и на единство-в-разделении нашей собственной борьбы.

Таким образом, *тотальность* была центральной категорией марксистской критики, указывающей на связь между внешне несвязанными явлениями в капиталистическом обществе. Однако здесь есть большая опасность: из категории *критической* тотальность легко трансформируется в категорию *позитивную*^[2]. Такое случается, если тотальность понимается как транс-историческая категория.

Это важно потому, что если мы преобразуем тотальность в позитивную, транс-историческую концепцию, то мы склонны рассматривать её как нечто, что должно быть освобождено от её бессознательной, фрагментированной капиталистической формы^[3]. Это смещение от тотальности как критического понятия к тотальности как понятию позитивному связано, в частности, с Лукачем и его книгой «*История и классовое сознание*». В этой книге он, как известно, утверждал, что марксизм — это «точка зрения тотальности»^[4]. Это очень важно, поскольку тотальность есть критика фрагментации и всех явлений, которые затемняют центральную роль человеческого творения, но сам Лукач идёт дальше и интерпретирует тотальность как отношение к пролетариату как субъекту-объекту истории. Борьба против капитализма становится борьбой за освобождение тотальности от её раздробленности, и это тесно связано с идеей партии (как представителя тотальности) и централизованного социалистического планирования. В настоящее время тотальность фрагментирована и анархична: необходима единая и социально контролируемая тотальность. Неудивительно, что многие считают такую перспективу пугающей.

Если же мы рассматриваем тотальность как продукт абстрактного труда, то борьба против капитализма есть не только борьба против фрагментации и отсутствия общественного контроля, но и борьба против тотальности как таковой. Это открывает очень разные перспективы, как на короткой, так и на долгой дистанции. Трещины, о которых мы говорили — это не борьба за установление альтернативной тотальности, а скорее за разрушение существующей. Если абстрактный труд тотализирует, то борьба против абстрактного труда есть борьба против тотализации^[5]. Это важный практический момент, просто потому, что позитивная концепция тотальности является возражением, вновь и вновь выдвигаемым против автономистских движений последних лет: где ваша программа, ваш национальный план, ваша стратегия, ваша теория перехода? Снова и снова нам предлагается концептуализировать нашу борьбу с точки зрения позитивно понимаемой тотальности, то есть включить её в логику, которую мы отвергаем.

1. См. Rubin (1928/1972: 142): «Превращение *частного* труда в *общественный* труд не может происходить иначе, как средством превращения *конкретного* труда в *абстрактный*. Абстрактный труд — это не только социально уравниваемый труд, т.е. отвлечённый от конкретных особенностей, обезличенный и однородный труд. Это — труд, который только в качестве обезличенного и однородного становится общественным трудом». [↗](#)

2. «Тотальность — это не утвердительная, а критическая категория. Диалектическая критика стремится спасти или помочь установить то, что не подчиняется тотальности, то, что противостоит ей, или то, что впервые образуется как потенциал ещё не существующей индивидуализации ... Освобождённое человечество ни в коем случае не было бы тотальностью» (Adorno 1975: 12, цитируется в Jay (1984: 266-7)). [↗](#)
3. Мощную критику позитивизации тотальности см. у Tischler (2009a). [↗](#)
4. Lukács (1923/1988: 27): «Решающим отличием марксизма от буржуазной мысли является не примат экономических мотивов в историческом объяснении, а точка зрения на вопрос тотальности». [↗](#)
5. См. у Postone (1996: 157): «Преодоление капитализма повлекло бы за собой упразднение — не реализацию — “субстанции” роли труда в конституировании социального посредничества, а следовательно, и упразднение тотальности». [↗](#)